

В.Городецкий

Гаврош

ИЛИ

ПОЭТЫ не ПЬЮТ АМЕРИКАН

Роман-
концерт

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Валерий Городецкий
**Гаврош, или Поэты
не пьют американо**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Городецкий В. О.

Гаврош, или Поэты не пьют американо / В. О. Городецкий —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1149-3

Современная увлекательная проза, в которой знатоки музыки без труда узнают многих героев рок-н-ролла. А те, кто с роком не знаком, получают удовольствие от веселых историй, связанных с познанием творчества как такового, а порой просто веселых и смешных. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-1149-3

© Городецкий В. О., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Шаг	5
Вступление	7
Чирица	8
Алиса	9
Цой	11
Анекдоты	13
Майк	14
Суп	15
Школа жизни	16
Человек в пиджаке	18
Города	19
Лоцман	21
Возвращение	25
Наслаждение	26
Встреча	30
Дрозд	31
Рубеж	32
Знакомство	34
SMS	35
Операция «Газификация»	36
Круг	39
Мастер	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Шаг

*От любви до поэзии
тоже один шаг.*

В ДК Ленсовета время остановилось. Все, как и 20 лет назад. Те же кресла, те же кулисы, и то же богемное кафе. Мы решили сесть в зале. Пришлось побеспокоить тех, кто пришел раньше, и нехотя приподнимался, пропуская и давая всем видом понять, что те, кто опаздывают, лишь отвлекают людей, которые пришли приобщиться к прекрасному. Мягкие красные кресла со скрипом поднимались секунд на семь и опять опускались все с тем же скрипом, приминаемые телами зрителей, предвкушающих действие.

Сели рядом с высокомерной женщиной, по виду главбухом, с синим платком на шее и в кремовом брючном костюме. На вид ей было за 40. Строгое выразительное лицо, аккуратно украшенное косметикой, слегка намекало, что она пришла сюда скорее за «неким смыслом», нежели за драйвом.

Это всегда один на один. Не надо юлить, называть эти вещи красивыми и изысканными словами. Она либо дошла до тебя, либо нет.

Тебе может казаться, что ты сидишь, а она там пляшет. Что твоя позиция в засаде, за десятком рядов. Что ты упакован и уверен в себе. Еще у тебя есть ключи от авто, стоящего за углом. В конце концов, твой кошелек не пуст, а это тоже какой-никакой, но вполне весомый аргумент. Это дает чувство уверенности и стабильности. Но не здесь. Не обманывай себя. Игра заключается в том, что в зале вас двое – ты и она, и она хочет тебя достать. Очень хочет. И ты тоже этого хочешь. Но, возможно, ты «взрослый» и потому играешь в прятки, спрятавшись в десятом ряду. Правда в том, что она ищет тебя, постоянно ищет. Ее прицел рыщет по залу, подобно прожекторам из фильмов про войну, разыскивающим самолеты, для того, чтобы высветить их на ночном небе. Высветить и больше уже не упустить. Если она тебя достанет, то назад пути не будет. Ты попал и ты пропал. Это страшно. Ты ведь цивилизован, и многие вещи сейчас могут показаться вне приличий. Таковы правила. Потому прятаться надо лучше. А она будет искать еще громче. Так ей легче. Но зачем-то ты сюда пришел, а значит, она тебя уже зацепила. И остается только подсечь. И если она не нашла тебя даже на «Винограде» или на «Небе», то что ты будешь делать, когда начнется «Земляничная»? Что чувствуют змеи, когда слышат дудочку факира? Ты понимаешь сейчас этих змей? Это сидя за партой, ты высокомерно насмеялся над змеями под рассказы учителя о каких-то там звуках, которые резонируют в голове существа, находящегося гораздо ниже тебя на эволюционной лестнице. Сможешь ли ты продолжать игру в кошки-мышки, если она вдруг выдаст «Актрису» в тот самый момент, когда ты уже колеблешься – вперед или назад. Быть или не быть? И кто ты? Охотник или жертва? Субъект или объект? Цель или стрелок? Если вы сольетесь воедино, то имеет ли смысл прятаться? От кого – от себя? А может взять и взобраться на сцену? Если ты больше не жертва, то может быть ты и есть охотник? Тогда почему ты не на сцене? А те люди, про которых по ящику говорили, будто они срывают с кого-то майку или рвут на части джинсы? Они действительно сумасшедшие? Я их жалею? Их нужно лечить? А если я не способен на большее, чем нажать кнопку телевизора (уже даже не телевизора, а пульта, лежащего под рукой), то какова мне цена?

Да, я опоздал, но не потому, что позволил себе отвлечься на что-то меньшее. Я вез Гавроша. Вы понимаете меня? Я вез из аэропорта Гавроша на ее же концерт в ДК Ленсовета. Она сказала, что без нее не начнут. И в этом, конечно же, была права. Потом я заскочил у «Петроградки» в общеизвестное заведение, где можно съесть гамбургер и пошел на концерт.

Женщина слева постепенно поднимала руки, потом она стала хлопать. Тушь текла по ее лицу, но она не замечала, раскачиваясь в такт ударным Митрича. Потом поднялась и побежала

вперед, ее синий платок мелькал среди людей под сценой, приближаясь к «алтарю». Еще пару минут, и она карабкается на сцену. Нет, не карабкается, она взбирается, покоряя свой Эверест. Ведь Эверест у каждого свой. Ей многое пришлось преодолеть – ряды поклонников, локти, металлические ограждения и перекладины под сценой.

Над чем не стоит смеяться, так это над чужими Эверестами. Никогда не знаешь, что человек преодолел по пути к той точке, в которой он сейчас есть. И может показаться, что он катится вниз по социальной лестнице, а завтра окажется, что он пролетел мимо тебя на лифте, несущем его вверх со скоростью штормового ветра.

Последним, как всегда, стоял охранник, по центру, почти под микрофоном. Его каменные скулы и играющие желваки излучали сакраментальное «Ты не пройдешь!». Женщина знала, что тут и правда не пройти, она напряглась, но не сдалась. Она сжалась в комок, но не могла же она отступить на глазах у всего зала.

Она уже готовилась к последнему решающему прыжку, когда Гаврош произнесла в микрофон «Стойте». Она подняла руку и просто громко сказала: «Стойте!». Музыка замолкла, и в зале включили свет.

«Я прошу, чтобы вы пропустили эту женщину», – произнесла в микрофон Гаврош, смотря вниз.

Охранник не только посторонился, но протянул руку, помогая женщине взобраться на сцену.

Она долго что-то говорила Гаврошу на ухо и, судя по дрожащим плечам, что-то важное для нее, что-то, копившееся годами, (а люди часто говорят Гаврошу именно то самое, – то, что копилось годами).

Гаврош ее обняла, что-то шепнула, женщина развернулась и пошла в зал. Охранник снова подал ей руку, теперь уже как джентльмен, который подает руку даме, выходящей из лимузина.

Снова грянули ударные и музыка продолжила свой стремительный бег, смывая те мелкие преграды и шероховатости, что возникали на ее пути...

Вступление

*Если красота решит наконец спасти мир,
то почему бы ей не начать с нас?*

Когда все началось, мне было двадцать пять. Я решил записать то, что помню о Гавроше, пока воспоминания еще живы и не покрылись туманной пеленой, отделяющей нас от событий прошлого и делающей их нереальными и с каждым днем становящимися похожими на затертые корешки старых книг, про которые можно лишь сказать, что это точно случилось не со мной.

Мне все равно, что обо мне подумают мои товарищи. Я спрятался за границей общения. Все аккаунты удалены, и никто не знает ни моего телефона, ни адреса.

Я не знаю, было ли это на самом деле, или все только приснилось мне. Особенно сейчас, когда я живу далеко, и у меня все более-менее хорошо.

С каждым днем я чувствую, что друзья моей молодости становятся все дальше, их образы все более расплывчаты, и я хочу запечатлеть все это скорее для себя, пока помню. Когда ты меняешь место жительства и совершаешь скачок в другую цивилизацию, с другими устоями, обычаями, а главное, способами мышления, рано или поздно ты будешь обязан забыть прошлое. Забыть не полностью, но отречься, принять другие правила игры. Если ты уехал, то выходит, что у тебя была одна цель – уехать, а, значит, ты ее уже достиг. Ты победил, и неважно, какой ценой.

Но у меня нет чувства победы и свободы. У всех окружающих, кого удалось вытащить из панциря на откровенный разговор, это чувство есть, а у меня – нет.

Самое ужасное в том, что я перестал читать. Я потерял Маркеса и Пелевина, Улицкую и Бунина, Веллера, Кортасара и даже старика Толкиена. Пытался, заходил в магазин, брал книгу, листал ее минут пятнадцать и ставил на место. Что-то вдруг изменилось. Щелк – и больше неинтересно.

Гаврош как-то умудрилась ухватить жизнь за шкирку и оседлать страшную карму российского Поэта. Потому важно изложить подробнее те ее черты, которые, возможно, постоянно остаются за кадром.

Я так вам скажу: где хорошо Поэту, там будет хорошо и всем остальным.

Я устраивался на работу, ходил на курсы, путешествовал, но она держит меня. Я знаю, что слишком многим ей обязан, что мой долг – отразить все так, как это осталось в моей памяти, ибо таков был наш негласный уговор, который я должен исполнить перед судьбой за то, что этот билет вытащил именно я. И пока уговор не будет исполнен, я не смогу заниматься чем-то еще.

Я покажу вам своего Гавроша, такого, каким она осталась в моей памяти. Когда ты далеко, то можешь ощущать больше свободы. Не безнаказанность, но возможность приоткрыть потаенные уголки, которые держишь закрытыми скорее из страха получить плевков прямо в душу – такой, после которого твоя раковина закроется уже навсегда.

Нет поместий и графств, где можно было бы «провести пару лет вдали от городской суеты», лениво макая перо в чернильницу и предаваясь воспоминаниям и думам о былом. Если не газета или «ящик», то сети тебя достанут на Гоа или на Южном Полюсе. Где бы ты ни был. Так зачем ждать?! Лучше раньше, чем никогда. Нанесем удар первыми.

Вчера отдадим газетам, их век также краток, как жизнь шелухи, из которой они состоят. В конце концов, кому место на страницах наших книг?

Да, и вот еще что: грязи не будет, ибо к Поэтам грязь не прилипает.

Чирица

Смех да слезы, а чем еще жить?

Константин Кинчев

К нам в школу приехал Костя Кинчев. Неплохо, да?

У одной девочки, что училась на год младше, мама работала в рок-клубе, и она договорилась с КК о небольшой халтуре. По счастливому стечению обстоятельств моя мама с той женщиной была хорошо знакома и сообщила мне об этом первому в школе.

Конечно, все это не могло случиться, не будь в школе директором не кто иной, как настоящий учитель – Леонид Франциевич Чирица.

Леонид Франциевич был человеком справедливым, интеллигентным и мудрым. Он сколотил вокруг себя команду, в которой людей с мышлением обыденным и стандартным почти не было... Видать так уж положено, чтобы человек интересный был слегка не от мира сего. Но только слегка, конечно, иначе в школе долго не проработаешь. Определенная степень ненормальности – это явный показатель правильного хода вещей.

Леонид Франциевич мог рискнуть, когда дело того стоило. Учителем физкультуры у нас был Дим Димыч, человек, побывавший в местах не столь отдаленных (как часто бывало, ни за что). Но человек правильный, а потому вопреки всем законам ленинградской школы времен эпохи застоя Чирица взял его учителем, подставляя себя, но воплощая тем самым справедливость.

Про Чирицу в Веселом Поселке ходило много историй – интересных и непонятных. Но я расскажу только то, что видел сам.

Как-то на уроке политекономии Чирица вызвал моего друга Хауса к доске.

– К доске пойдет ... Русаков, – объявил он своим знаменитым басом.

Хаус не знал вообще ни черта. Просто полный ноль. Но ни один мускул не дрогнул на его лице. Хаус был Игроком с большой буквы. Он всегда шел до конца. Он не колебался и не переминался с ноги на ногу. Четко чеканя шаг, он направился к доске, отбросив в сторону любые сомнения.

– Садись, мальчик! Садись на место! – почти закричал вдруг Леонид Франциевич громовым голосом, словно рок-идол, призывающий к поднятию рук.

Класс замер в ужасе.

– Пять! – еще громче произнес Чирица, ставя в журнал жирную пятерку. – За выход ставлю тебе пять. Молодец! Вижу, что знаешь!

Таким же шагом Хаус прошел на место, хлопая по подставленным ладоням.

Алиса

*Я начинаю путь,
Возможно, в их котлах уже кипит смола,
Возможно, в их вареве ртуть,
Но я начинаю путь.
Константин Кинчев*

Последующие дни прошли в диком напряжении и ожидании. Спать и есть я не мог, также как и концентрироваться на домашних заданиях и контрольных.

Наконец, настал день «Х». С утра школа гудела как улей. Атмосфера уже была наэлектризована. Больше всего я опасался отмены – ветер перемен в 1988 был еще скорее легким дуновением, нежели всеокрушающим штормом.

Все скинулись, кажется копеек по двадцать.

Ситуация усугублялась тем, что за пару месяцев до того и вышла знаменитая статейка «Алиса с косой челкой», согласно которой Костя кричал на концерте в «Юбилейном» фашистские лозунги. То есть жареным пахло по-настоящему. Режим хоть и скрипел, но болезненно огрызался.

Занятия в тот день тянулись бесконечно долго. Последний урок высидеть было уже невозможно, я ерзал как на иголках, и каждая секунда шла за вечность.

Костя приехал не один. В обойме были Шаталин и Петя Самойлов, то бишь, выражаясь языком простым и понятным каждому, были даже соло-гитара и акустический бас. А это не просто три человека с гитарами. Это уже была «Алиса».

Дикий вакуум тех лет и жажда музыки превращала их в фигуры, овеянные ореолом таинственности и демоничности. Слава Богу, не было Ютуба, иначе никакой «Алисы» бы к нам не доехало. Ведь прав был дедушка Уильям, что: «Музыка – звуча со всех ветвей, привычной став, теряет вдохновенье».

Когда прозвенел звонок, и мы толпой понеслись в актовыв зал, он уже был наполовину забит счастливыми, имевшими в расписании меньшее количество уроков и предусмотрительно занявшими первые ряды.

Как и положено звездам, они припозднились, появившись втроем с гитарами за спиной. С важным видом человека посвященного и знающего я объяснил Хаусу, Егору и Сан Санычу, что вот тот блондин – это Петя, он на басу, а второй, поплотнее – Шаталин, он играет на сологитаре. Одноклассники удовлетворенно покивали, а потом начался концерт.

Более благодарного слушателя, чем дети не найти. Странно, что в школах не дают рок-концерты...

Кажется, все началось с длинной баллады куплетов из двухсот, про которую Костя объявил, что это баллада всей его жизни. Зал только начинал въезжать. Потом пошли «Путь в сторону леса» и «Картонный дом».

Надо отдать должное – зал они завели. Даже законченные ботаны, (а это был физмат), через час уже кричали и бесновались от восторга.

Там были песни, которые в акустике невозможно было себе представить, типа «Меломана» и «Красного на Черном», что-то из «Блокады»..., что-то вышедшее позже в разных альбомах, «Аэробика», «Осеннее солнце» и много чего еще...

Костя был терпелив, отвечал на все вопросы, общался с охоткой и поднял зал на уши. Акустика акустикой, а драйв тремя гитарами в школьном актовом зале они подняли нешуточный. Бесновались и хлопали все – и школьники, и учителя. Акустика – это акустика. У нее свои законы. Это – сидя и лежа. Это мягко. Но не на «Алисе». Странно, как можно акусти-

ческой гитарой сделать быстрый танец. Костя – может. На «Экспериментаторе» учительница младших классов пустилась в пляс между рядами, забыв о школьных правилах. Потом кто-то из старшеклассников тоже ломанул выкидывать коленца. Взметнулись «козы», все как-то перемешалось, и навалилось ощущение абсолютного и правильного рок-концерта, со своими штормами, девятыми валами и тихими заводями-медляками.

Под конец они укачали школу «Лодкой», а завершили все «Моим поколением», которое мы пели хором... На последнем аккорде первые ряды ломанули на сцену, следующие стали перепрыгивать через скамейки, сметая их. Наверное «Алиса» не была бы «Алисой», если бы что-то не было сметено. Группу окружили плотным кольцом, выжимая автографы на все, что можно. Сан Саныч подсунул свой паспорт, ибо больше у него ничего не было. Паспорта у меня не было, поэтому пришлось подставить руку и не ходить в душ целый месяц...

Когда все закончилось, на стене школы имени принца Ольденбургского со столетней историей осталась красная буква А, придуманная человеком, который впоследствии устраивал концерты Гавроша...

Цой

*Для меня вообще важно,
Чтобы мне было интересно жить.
Все остальное меня не интересует.
Виктор Цой*

Сказка не закончилась. Второй волной недели через две нагрянул Витя. Да, так оно вдруг и случилось... На память остался смешной автограф и пара фотографий.

Витя был один в поле воин. Он не привез с собой никого.

«Группа крови» уже звучала из каждой форточки, примерно за год до того «Мелодия» выпустила альбом «Ночь». Но «Кино» не поднялась еще настолько, чтобы потерять свою притягательность, размытую в тысячах передовиц.

Школа была забита до предела, учеников соседних школ пытались отсеять с разной степенью успешности.

Витя задерживался, и ребята стали кричать наспех сочиненную пугалку:

«Вместо Цоя

буду петь Я»

Толпу не пускали в зал, казалось, что коридор не выдержит, разойдясь каменными швами, как куртка, лопнувшая на спине старшеклассника, выросшего за год на два размера.

Наконец, мы увидели его за окном. Появился он в черном пальто до пят и с гитарой за спиной, бредущий по слякоти от остановки 140 автобуса, совершенно один... Школа взревела так, что стекла затряслись от напряжения.

Все забились в актовое зал, и начался концерт. Витя расчехлил инструмент и вдарил по струнам, начав, кажется, с «Время есть, а денег нет...». Дальше пошли «Закрой за мной дверь» и «Огурцы».

К тому моменту, как началась «Группа крови», зал уже расслабился, и установился тот самый контакт, когда не имеет никакого значения – слышал ты эти песни раньше или нет, случайно ты сюда зашел или ждал этого мгновения последние недели. Зал превратился в единый организм, пульсирующий в такт ударов по струнам. И эмоции делятся на всех – независимо от возраста и положения.

Далее Витя выдал как старое, так и новое – от «Троллейбуса» до «Саши» и «Друзей».

В чем страшно признаться – так это в том, что мы потроллили Цоя. В конце концов, нам не было шестнадцати, да и Витя еще не был отлит в бронзе... Мой друг Хаус толкнул меня локтем в бок и сказал: «Давай спросим про Алису?»

Я сказал: «Давай».

Хаус написал записку: «Как вы относитесь к Алисе?», а я написал записку: «Как Вы относитесь к Косте Кинчеву?». Цой ответил что-то из разряда «Дружим...». Потом еще раз.

Через 15 минут Егор заслал еще пару таких же записок, которые выбросил. Бровью не повел. Тогда мы послали записку с просьбой спеть несуществующую песню «Огнемет» Витя удивился: «Ну... я не знаю эту песню». Зал заржал.

Тогда Сан Саньич послал записку: «Спой восьмиклассницу, а то руку сломаю». В конце концов, совесть взяла свое, и мы продолжили просто слушать концерт. Редкое двухчасовое

счастье нахлынуло и поглотило, подарив восторг и таинство приобщения к чему-то новому, молодому, но сильному и пробивающему себе дорогу, пока еще не вымощенную кирпичом, а потому похожему больше на тропу, где за ближайшим поворотом таятся как неведомые сокровища, так и нелепые удары судьбы.

Зачем рассказывать, как пел Цой? Вы и так все знаете. Я расскажу Вам, как Цой не пел.

Из зала идет записка, и первый ряд кидает записки на сцену. Он их поднимает, читает, потом бросает в сторону и пару минут смотрит в стену. Вот так сидит и смотрит. А все молчат. Стоит гробовая тишина, а он сидит и смотрит. Тогда-то я в первый раз понял, что шаманы все разные, у каждого своя пляска, свои приемы, любимые ноты, и даже... свое молчание. Молчание покажет все. Слова, приемы, звуки – это антураж. И лишь молчание не обманет – шаман перед тобой или нет. Нет масок, нет движений, за которыми можно скрыть все, что угодно. Ты будешь сидеть и чувствовать его присутствие совсем рядом. Твой взгляд будет прикован к сцене, и ты просто побоишься шевельнуться, потому что процесс обоюдный, и ты можешь спугнуть, прервать то самое мгновение, когда энергия течет прямо через тебя, наполняя счастьем.

Молчание может быть пустым, как бездонный колодец, или напряженным, как натянутая струна. В напряженном молчании, том самом, где слышен звон пролетающей мухи, – и есть самая суть. Ты ухватил сладкое мгновение, когда шаман готовит новую пляску, он вот-вот дернется и начнет, но пока... пока все только на подходе. Чаша наполнена до краев, и тебе предстоит испить живительного напитка, не проронив и капли...

Анекдоты

*Слова уст человеческих – глубокие воды;
Источник мудрости – струящийся поток.
Тора*

Сан Саныч был человеком добрым и умным. Он был полноват, страстно изучал иудаизм и любил хорошую музыку. Больше всего он любил рассказывать анекдоты. Чаще всего это происходило так: на большой перемене Саныч важно объявлял:

– Есть новый анекдот про Штирлица, свежак.

Когда собиралось кольцо страждущих, Саныч начинал со смаком рассказывать:

– Ну, значит, подошел Штирлиц к сейфу, открыл его, да и вытащил из сейфа письмо Бормана. А Борман только кричал и вырывался.

Воцарялась жадная тишина, требующая развязки.

– А вы чего не смеетесь? Не дошло что ли? – вопрошал Саныч, с превосходством глядя на окружающих.

После того, как оригинальная версия просачивалась в умы окольными путями, Саныча останавливали на каждой перемене с требованиями:

– Эй, Саныч, расскажи анекдот про письмо Бормана!

Майк

*И я пишу стихи всю ночь напролёт,
Зная наперёд, что их никто не прочтёт.
Зачем я жду рассвета? Рассвет не придёт.
Майк Науменко*

В июне восемьдесят восьмого в перерыве между школьными экзаменами, мы пошли на 6-ой рок-фестиваль на Зимний стадион.

Сан Саныч, ярый поклонник «Аквариума» и «Зоопарка» отошел на 5 минут «за угол». В перерыве к нам подошел один из длинноволосых системщиков, коих тусовалось пока еще немало в местах, уже омываемых ритмами новой волны.

Волосатик предложил купить кассету какой-то группы с очень хорошими песнями.

– Чего за группа? – спросил Егор.

– «Зоопарк»

– Не слушаем такую... (у нас просто не было денег).

Волосатик понуро отошел. Через десять секунд к нам подскочил Сан Саныч с выпученными глазами.

Запинаясь и почти заикаясь, он стал чего-то лепетать, невнятно жестикулируя:

– А чего это ...

– Что?

– Ну это... с вами... стоял...

– Да чего ты? рожай быстрее!

– Ну тут, я видел, тут... Майка.

– Да какая еще майка? Ты тридцать третьего что ли опился?

– Ну, вы идиоты что ли? Майк же к вам подходил. Что он сказал?

– Да ничего. Какую-то кассету предлагал купить. Мы его послали.

– Дебилы, вы же послали Майка...

– Ну и что? Мы пришли на «Ноль»! – гордо подняв голову, ответил Егор.

Суп

*Друг познается в еде.
Константин Кушнер*

Галя не любила суп. Она его ненавидела. Каждое утро Галина мама уходила на работу, оставляя суп в холодильнике. Суп считался необходимым элементом питания для растущего организма. Галин долг был, придя из школы, открыть холодильник, достать суп, разогреть его на газовой плите и съесть.

Вместо этого каждый день она делала так: придя из школы, открывала холодильник, доставала суп, подходила с ним к окну, открывала окно и выливала суп.

Эта нехитрая последовательность продолжалась изо дня в день. Но случилось так, что в один из таких дней под Галиным окном проходил Сан Саныч. Действо к тому моменту вошло в привычку и выполнялось Галей автоматически, т. е. в одной руке она держала книгу, которую читала, а в другой кастрюлю с ненавистным супом.

Топая из школы, Саныч в тот день почему-то решил пройти не как обычно, по дороге, а свернуть и прогуляться вдоль дома. Сворачивая, он, конечно, не знал, что Галя уже открывала дверцу холодильника. Пройдя еще несколько шагов, Саныч замешкался, ибо у него развязался шнурок. Он присел, когда Галя доставала суп и встал, когда она уже открывала окно.

Саныч успел сделать несколько шагов, когда сверху на него обрушилась спрессованная холодная жижа так и не разогретого супа, состоящего из картошки, макарон, моркови и даже лаврового листа. Пережив первый шок от удара и холода, просочившегося за шиворот, Саныч посмотрел вверх, а потом сделал несколько шагов вперед.

– Эй, вы там! А по е-льничку за такое не хотите?! – закричал Саныч, но ответа не было. Тогда Саныч зашел в подъезд и стал звонить во все двери на седьмом, восьмом и девятом этажах. Он матерился и громко ругался, поэтому никто ему не открыл, в том числе и Галя.

После этого Саныч отправился домой стирать форму.

– Саша, ты почему сегодня без школьной формы? – урок математики начался с вопроса Марии Николаевны к Сан Санычу.

– Представляете, Мария Николаевна, иду вчера из школы, и вдруг на меня сверху ледяной суп падает. Всю форму гады испоганили.

– Ну это тебе еще повезло, что не кипяченый. Радуйся – легко отделался, – пошутила Мария Николаевна под ржание класса.

Никто не заметил, что Галя сидит пунцовая.

Только через 10 лет на концерте Гавроша Галя призналась, что это она вылила суп на Сан Саныча. Ее так проняло на «Ты город», что она подошла к Санычу и сказала ему об этом. Она всю жизнь боялась признаться, но вышло так, что Санычу уже было все равно и он не обиделся. Странные вещи порой делают с нами песни.

Школа жизни

Все знали Грега. Мне повезло, потому что с ним я учился в одном классе. У Грега не было денег на билеты, но он всегда обходился без них. ДК «Невский», Зимний стадион, Крупа, Рок-клуб, СКК, «Фонограф», ЛДМ, – он знал все залы и все чердаки, форточки, служебки, черные ходы, заброшенные дымоходы и входы для актеров, выходы во двор, дворничьи, места, куда заносят продукты в буфеты и даже лазы из подвала.

Самое главное – Грег мог незаметно пройти мимо билетеров. Это срабатывало в половине случаев. Для другой половины у Грега всегда имелись планы – основной и запасной.

На «Кино» попасть без билетов было невозможно. Но это перед концертом. Настоящий боец готовился к вылазке заранее.

В 2 часа к залу подъехала легковушка с кузовом, загруженная мороженым для кафе. Мы заботливо выгрузили металлические цилиндры с лакомством из багажника, помогая женщине-экспедитору и стали таскать их в буфет. Три-четыре ходки и мороженое расположилось в холодильнике, чтобы дожидаться участи быть поглощенным в антракте разгоряченной публикой.

Да, тяжело было продержаться последующие четыре часа в чулане со швабрами и грязной ветошью, но цель всегда оправдывала средства.

Вершиной тактической мысли Грега был проход на «Ноль» в ДК Невский. Первый ряд обороны держала милиция, которая еще снаружи отсеивала «неликвид». Дальше шли дюжие хлопцы в черном, словно сито выцепляющее рыбу поменьше. И лишь в конце стояли бабушки-пенсионерки, заботливо отрывающие корешок вождельного билета.

ДК «Невский» – это отдельно стоящий куб, у которого окна первого этажа находятся на высоте вне досягаемости человеческого роста. Расположен он на пустыре. Других зданий рядом нет, пожарной лестницы тоже.

Зал вместил счастливых, и на улице осталось человек тридцать разношерстного люда – панки, алисоманы, рокабилы, в общем безбилетники априори.

«Вписки» не было. Вернее, почти не было, поскольку оставался все-таки какой-то пожарный вход в боковой части здания. Но двери были металлическими, на них висел здоровенный замок, а внутри, по слухам, дежурил наряд милиции.

– Стой здесь, – шепнул мне Грег и отошел в сторону. – Будь готов.

– К чему? – удивился я.

– Некогда, главное – не тормози в нужный момент.

– Эй, пацаны, кажется есть «вписка!» – крикнул он остальным, подозвав их в тесный кружок. Они о чем-то пошептались и отчалили за угол.

Если на стене висит ружье, то когда-то оно должно выстрелить – гласит закон драматургии. Если на рок-концерте есть запертая дверь, то недалеко должен валяться телеграфный столб – такой закон вывел в тот вечер Грег.

Обнаружив сей полезный предмет, группа меломанов под руководством Грега легко подняла его и, ускоряя шаг, пошла на таран. Первый удар сотряс двери, но они выстояли, слегка прогнувшись. Тогда меломаны отошли шагов на пять и нанесли еще один удар, посильнее предыдущего.

Всего этого я не видел, ожидая перед главным входом. Персонал лениво стоял за закрытыми дверями, покуривая и болтая о какой-то чепухе. Внезапно из глубины раздался какой-то крик, потом длинный милицейский свисток, и все бросились от дверей внутрь, оставив на входе одну «бабулю божий одуванчик».

Из раздумий меня вывел появившийся из-за угла запыхавшийся Грег, держащий в руке здоровенный кирпич. Задержавшись метрах в пяти перед входом, он с видом исполнения

рутинной ежедневной работы метнул кирпич в стеклянную дверь и, дождавшись, когда все осколки упадут на бетонный пол, прошел внутрь.

Чего встал? Хочешь чтоб тебя повязали? – крикнул он, и я проскользнул внутрь мимо оцепеневшей бабули с широко открытыми глазами, направился в зал, где уже звучала со сцены «Школа жизни».

У Грега я научился главному – если хочешь оказаться на концерте, ты там будешь.

Человек в пиджаке

На шестой рок-фестиваль мы ходили еще раз. Там я впервые увидел этого странного человека.

Клоун, шут гороховый, олух, блаженный, петрушка, жердь, арлекин, посмешище, паяц, скоморох, комедиант, фигляр, юродивый...

Экзамены были сданы на хорошие оценки, и можно было расслабиться. Поехали я, Егор, Сан Саныч и Галя. Вообще-то мы пошли, как тогда говорили, «на Мост» (Калинов). Вышли из Гостинки и перешли на другую сторону Невского. Погода стояла солнечная и теплая, что для Питера редкость. Оттепель есть оттепель, а значит, светило Солнце.

У Елисеевского мы остановились купить мороженого в одном из уличных лотков на колесах, ныне отправленных в отставку по совершенно непонятным причинам.

Галя протянула рубль женщине в белом халате и сказала:

– Нам 4 стаканчика по 15 копеек, крем-брюле.

Продавщица привычным движением открыла лючок, но достать мороженое не успела.

Ее взгляд остановился за нашими спинами. Не прекращая смотреть, она инстинктивно закрыла лоток и перекрестилась, прошептав:

– Господи, откуда берутся-то такие, куда только милиция смотрит...»

Мы тоже решили посмотреть, что там такое творится. Медленно поворачивая голову, я заметил, что множество окружающих тоже смотрят в одну точку, хотя ничего особенного вроде не происходило.

Группа людей, человек пять, проходили мимо нас. В центре шел и увлеченно что-то рассказывал высокий светловолосый человек в черном пиджаке. Все бы ничего, если б его грудь не была увешана десятками значков всех мастей. На лице были черные очки, как у кота Базилио, с висков свисали пейсы, коих тогда увидеть на улице было просто невозможно... тонкие штаны-дудочки были коротковаты, а завершали картину остроносые ботинки-гады, гордо смотрящие вперед, как ростры кораблей, готовые взлететь над расплавленным асфальтом Невского проспекта.

Странное ощущение, будто ты встретил инопланетянина. Так мы еще стояли пару минут, провожая худощавого верзилу взглядом. Потом жизнь вернулась в привычную колею, заставляя как обычно забыть мгновение чуда, как будто ты ничего и не видел.

– Что ты говоришь, девочка? – прервала, наконец, молчание хозяйка оазиса.

– Крем-брюле, тетенька, – повторила Галя.

– Держи, дочка, держи. И сорок копеек сдачи. Вот ведь черт, чтоб ему...

Есть один человек со сцены, приходящий к Гаврошу на все питерские концерты... Если, конечно, «Аукцион» не на гастролях...

Города

Города как магниты. Притягивают себе подобных в орбиту бытия, медленно переваривая и сонастраивая под свои силовые линии.

Ты либо готов измениться, когда кривая судьбы делает зигзаг, либо ты уже внутри стал другим, а внешнее изменение – лишь отражение произошедшего внутри тебя? Или ты лишь хочешь стать другим, делая шаг в иной мир, а там уже как выйдет? А может быть, ты даже поменяешь что-то прямо там, в сердце города, и он станет другим?

Как бы то ни было, родители получили долгожданный вызов. В другую жизнь, с другими правилами.

Отъезд случился быстро, нервно и калейдоскопично. Кто-то вместо стандартного PLAY нажал перемотку, и лента кинофильма, который ты смотришь, открывая глаза по утрам, пролетела перед взором в считанные секунды. Два месяца сборов, бегов, отвальных и слезных прощаний не оставили отпечатка, содержащего что-нибудь значительное.

Просто в один прекрасный день я проснулся в школе для взрослых, сидя за партой и изучая немецкий. Так было надо, а думать о том, чего хочу, я еще не умел.

В России закончилась своя перестройка, а у меня началась своя. Городок был маленький и скучноватый, зато спокойный. Последующие месяцы прошли в изучении новых правил и законов. Не столько юридических, сколько бытовых.

Однажды, проходя из школы по улице, вымощенной старым камнем, я встретил старичка в клетчатом пиджаке. Остановившись, он изящно поклонился, учтиво приподнял шляпу и поздоровался. Почуввав подвох, я сделал вид, что не заметил его, и прошмыгнул мимо по своим делам. В памяти еще живы были рассказы математички об иностранцах, раздающих детям на Невском проспекте отравленную жвачку. Старичок был стопроцентным иностранцем, а потому и опасность, исходящая от него, была почти осязаемой.

На следующий день, на том же самом месте, я вновь встретил старичка в клетчатом пиджаке. Я помнил старое правило разведчика, услышанное в правильном фильме: встретил дважды одного и того же человека – верная слежка. Но виду решил не подавать. Учтиво поклонившись в ответ, я пошел дальше. У ближайшего киоска сделал вид, что рассматриваю газету на витрине, и скосил глазом в сторону, откуда пришел. Старичок остановился и поприветствовал следующего человека, также учтиво приподняв кепку.

«Ага, передает меня следующему шпику, слышали и про этот прием», – подумал я. Быстро повернув за угол, я пересек улицу, нырнул в подворотню и выскочил на другой стороне квартала. Сердце стучало бешено, но хвоста не было, и, успокоившись, я побрел домой.

На третий день я хотел сменить маршрут, но решил, что это будет подозрительно, ведь так они поймут, что я понял, и решил пойти из школы той же дорогой.

Еще за километр я приметил старичка в кепке. Волнение отдавало в живот бешеной пульсацией, но я не подал вида. А ну-ка, пугану – мелькнула шальная мысль. Когда до объекта оставалось метров двадцать, я сунул руку в карман, и сильно оттопырил указательный палец вперед, показывая, что у меня в кармане «ствол». Старичок виду не подал, и когда мы поравнялись, также учтиво приподнял шляпу. Я поздоровался в ответ и пошел дальше.

Вечером, я осторожно рассказал о старичке Сан Санычу, который приехал намного раньше и знал полгородка.

– А, так это ж Фридрих, он со всеми здоровается, он тут драмкружок любительский ведет, – запросто ответил Саныч.

Через месяц я купил кепку. Надоело кивать. Я привык здороваться с Фридрихом. Но кепка делала из банального кивания приятный ритуал. Я знал, что небезразличен Фридриху.

А Фридрих стал безразличен мне. Тому, как надо здороваться, я научился у старика в клетчатом пиджаке.

Лоцман

*Мы простились тогда, на углу всех улиц,
Свято забыв, что кто-то смотрит нам вслед;
Все пути начинались от наших дверей,
Но мы только вышли, чтобы стрельнуть сигарет.
И эта долгая ночь была впереди,
И я был уверен, что мы никогда не уснем;
Но знаешь, небо
Становится ближе
С каждым днем...
БГ*

День начался с тачки. Скопив первые 500 евро, Егор взял да и купил старый «Гольф». На все. Тачку надо было проверить в деле. Бундес – последний оплот бесплатных автобанов, и через полчаса мы уже выжимали свои 120 в крайнем правом ряду. Пусть нас обгоняли бабушки-пенсионерки на сверкающих мерсах, поправляя свободной рукой прическу, мы ехали вперед, навстречу светлому будущему. Первая машина – это первая машина, и неважно сколько она стоит.

Через 50 километров свернули на второстепенную дорогу, а с нее на лесную. Егор хотел «проверить клиренс». И надо ж такому было случиться, что «Гольф» взял, да и зачихал. А потом и вовсе заглох.

– Спокойно, я сейчас, – Егор деловито дернул за рычаг под приборной панелью, вышел и поднял крышку капота. Прошло минут десять, но Егор все возился с мотором, и мы тоже вышли из машины.

- Ну, чего у тебя тут? – спросил Саньч.
- Да, кажется, датчик накрылся.
- А чего делать? Попробуем с толкача может?
- Не надо.

Мимо проходил какой-то дедок, по виду типичный грибник с палочкой.

- Может деда попросим помощи? Смотри, а то заночуем тут.
- Не надо, щас разберусь.

Дед поглядел на нас и неторопливо прошел мимо. Секундная стрелка еще не сделала полный оборот вокруг своей оси, и папоротник продолжал качаться в том месте, где он только что был, а из-за поворота вдруг появилась полицейская машина. Поравнявшись с нами, она остановилась, и из машины вышли два здоровенных светловолосых полисмена – Скутер и Швайнштайгер.

- Что, масло сливаете? – спросил Scooter
- Да нет, у нас датчик, похоже, полетел, – ответил Егор
- Здесь частная территория. Вы надпись видели?
- Нет, ничего мы не видали.
- Залезайте в машину, поедем в город.

Мы забрались в аналог уазика с зарешеченным помещением для перевозки преступников.

- Первые минут пятнадцать мы молчали.
- Странные они. Европейцы, – произнес вдруг Егор.
- И чего в них странного? Люди как люди, – ответил я.
- Да мы вот сейчас на юге, тут Италия рядом.

- Ну и что? Причем здесь Италия?
- Да, я вспомнил про Калигулу и его коня. Это ж надо – коню дворец построили, сенатором сделали и хотели даже в консулы произвести. И все ж молчали. Никто не пикнул. Патриции хреновы. А как на частную территорию заехал человек случайно, так сразу полицию вызывают.
- Так то было 2000 лет назад – с конем, – сказал я.
- Кстати, а мы чем лучше? Ты вот знаешь, что крейсеру Аврора, например, орден дали?
- Ну и что?
- А то, что это ж груда металлолома. Корабль. Конь хоть живой, а железяка по любому не живая. Куда ты ей орден прицепишь?
- Ясное дело, куда – на нос, который растр. Сбоку.
- «Ра-а-астр», – передразнил Саныч. – А ты теперь подумай, если между конем и Авророй 2000 лет прошло, то насколько мы отстали от Европы?
- А ты вот Аврору не трожь, – вдруг резко выступил Егор.
- Это почему?
- А потому. Аврора для меня – это святое, меня там в пионеры принимали.
- Ну и что? Мало ли кого и где в пионеры принимали. Меня вот, например, в Музее Ленина, на Горьковской.
- А вот и то, что сколько лет прошло, а я как сейчас все помню. Вот тут справа, пушка носовая, там мостик. Тут я стою, и передо мной комсорг, вяжет мне галстук и говорит, громко так, звонким голосом: «Будь готов!». А я ему также громко отвечаю: «Всегда готов!». Смотрю в глаза и отвечаю. А между нами и нет ничего, только готовность, на все готовность.
- А комсорг – мальчик или девочка? Тебя послушать, так будто у вас там секс, прямо на корабле был. А не прием в пионеры.
- Дурак ты. Это кстати, круче, чем секс.
- Да что ты? Чего ж ты тогда сюда уехал? Вступил бы там в партию, ходил на митинги, кайфовал.
- А одно другому не мешает.
- Это как же?
- А так. Я вот знаю, что здесь жить мне проще, знаю. Все знаю, про сырьевую экономику, про дефицит и профицит, про Ленина и Сталина, про Гулаг, читал Оруэлла и Варлама Шаламова, про ваучеры знаю, про Газпром и так далее, но дело не в этом.
- А в чем тогда?
- А в том, что при всем при этом, где-то там, глубоко в памяти есть островок, где я стою на Авроре и меня принимают в пионеры. И там я испытал такое счастье, какого с тех пор больше никогда и нигде не испытывал.
- Кажется, я понимаю, – сказал я. – Послушай, а вот у меня такой островок тоже есть.
- А у тебя чего за островок?
- Ездил я в детстве на Украину, к бабушке. И был у нее дом с садом. Сейчас думаю, посмотри я на тот дом, вообще ни о чем, развалюха, 1905 года постройки, а все б отдал, чтобы туда снова попасть. Потому как там я – царь и бог. Хочешь – в море купайся, хочешь – черешню собирай. Родители в Питере, лафа.
- Точно, и царь и бог. Вот и я, знаю что нет ничего в той Авроре, знаю. Корабль как корабль, с мутной историей. Но разве ж я могу тот островок разрушить, где я был счастлив? Что тогда от меня останется? Диплом о высшем образовании? Аусвайс?
- За окном машины темнело. Внутри попадал лишь свет фар, проносящихся мимо машин.
- А у меня островок – обрезание, – сказал вдруг Саныч.
- Это – как? – засмеялся Егор.
- А так, я ж обрезание сделал перед поездкой сюда. Осознанно.
- И что?

- А то, что до того я жил во тьме, а как обрезание сделал, будто новый мир увидел.
- Что-то я не понял, – сказал я, – мне кажется, это сюда не подходит.
- Очень даже подходит, – сказал Саныч. Говорю тебе, никогда я не был так счастлив, как в тот день. Если хочешь – то считай, что я испытал религиозный экстаз. В тот день я родился заново, я чувствовал себя большим и близким к Богу, и знаю, что это был самый важный день в моей жизни. И никакая Аврора для меня не сравнится с этим чувством.
- А, ну тогда подходит вроде, – закивал Егор.
- Есть у меня и второй островок, – добавил Сан Саныч.
- Какой? – спросил Егор. – Израиль?
- Нет, диск.
- Кто в лес, кто по дрова, – возмутился Егор. Сначала обрезание, теперь вот диск. И что это за диск?
- «День серебра» БГ.
- Не знаю, я начал про конкретное место вспоминать, а у тебя то обрезание, то диск. И что ты с этим диском делаешь? С собой его возишь?
- Не вожу, но он всегда со мной.
- Это как?
- Когда я чувствую, что я вдали от дома, я напеваю «Небо становится ближе», и через две минуты появляется ощущение, что я дома. Ну, а если диск есть под рукой, то вообще ништяк, ставлю, и все становится на свои места. Выходит – это и есть мой островок, и даже... моя Родина.
- Тогда выходит, – сказал я, – что ты, Егор, родился на Авроре.
- Да пошли вы...
- И у меня Родина не одна, – решил добавить я.
- Ну да – еще один космополит. У Саныча и Питер – Родина, и Иерусалим, и кабинет обрезателя, а еще и диск. Полный набор. А у тебя что?
- Концерт.
- Ой, не могу, – заржал Егор. – Чем дальше в лес, тем больше партизаны. Какой концерт? Самый первый? У тебя видеокассета и видак в кармане?
- Нет. Просто на хорошем концерте я чувствую, что я дома. А на плохом – не чувствую. С хорошего концерта не хочется никуда уходить. И вообще, если меня пробирает, я чувствую, будто Бог со мной говорит со сцены. Но это бывает редко, таких концертов были единицы.
- А исполнитель кто? Имеет значение?
- Почти не имеет. Но одним дано, а другим не дано. И если дано, то он про это знает, и ты знаешь. И другие, кто пришли – тоже знают, только сказать не могут. А если не дано, то учись – не учись: пластика, ноты – все без толку.
- Я, в принципе, согласен, – сказал Саныч. – На хорошем концерте с тобой говорит Бог.
- Не сотвори себе кумира, Саныч, – сказано в Писании, и не поминай всуе.
- А я и не богохульствую, по мне так артист транслирует нечто, что прямо сейчас ближе всего к Богу. То, что тебе нужно прям в эту секунду. А если Бог сейчас с тобой не говорит, то на фиг такой концерт нужен. Это фуфло. Это и есть شوубиз. Когда говорят, что купив билет, увидишь Бога, а подсовывают фуфло.
- Да, чуваки, – вздохнул Егор. – Начал я про Аврору, а вы меня так загрузили, что я уже сам не рад. Но, похоже, что у каждого из нас есть свои острова, и есть те, кто помогает твоему кораблю не заблудиться в безграничном океане времен. Твой лоцман. Причем только твой.
- Машина притормозила. Раздался стук каблучков по асфальту, потом щелчок. Дверь открылась, и Scooter сказал:
- Эй, выходите, приехали. Расходись по домам, завтра эвакуатор вашу тачку привезет, заплатите ему сто евро.

– Как сто евро? У меня машина пятьсот стоит, мы на тресе можем, за мной дядя придет, – возмутился Егор.

– Здесь так не принято, поэтому – сто евро, – строго повторил Scooter, подняв жезл, и мы разбрелись по домам.

Возвращение

*Если надо вернуться-
Вселенная тебе поможет.*

В Питере у нас оставался старый гараж с «Москвичом», который надо было продать, и я решил слетать на недельку домой, повидать старых друзей и заодно избавиться от металлолома. Я позвал Егора, и он согласился.

Егор Волков был личностью легендарной. Есть такие интеллигенты – в очках, скромные, но изобретательные и искусные в тех вопросах, которые вызывают их живой и неподдельный интерес. Перед отъездом он успел поучиться в Питерском Политехе, слухи о его деяниях доходили до меня даже за бугром.

Прославился он тем, что мог на лекциях пить портвейн из своего футляра для очков, и это ему сходило с рук. Ибо гений есть гений, а в Политехе гениям прощали все. Тем более, что на экзаменах ниже четверки он не получал. Вытаскивает Егор на экзамене билет с вопросом. Если на лекции по данному вопросу он сидел на последней парте с «футляром для очков» в руках и резался попутно в покер, то получал четверку. А если внимательно слушал и записывал лекцию, то это была бесповоротная пятерка.

Другая легенда гласила, что, будучи человеком добрым и отзывчивым, ради спасения gripующего друга Егор однажды провез 4 остановки на троллейбусе от знаменитого студенческого пивняка на Гражданке до Площади Мужества кружку пива (с пеной!), не дав умереть от простуды и жажды своему приятелю Коке. Причем, как и полагается, интеллигентно оплатив проезд. Нигде ж не написано, что с кружкой пива нельзя. А гражданин, между прочим, в общественном транспорте не распивал.

В общем, я позвал Егорюху отправиться погостить на Родину, и он с радостью согласился. Купив на распродаже два билета на самолет с серебристым крылом, мы отправились на Родину.

Наслаждение

*Как нам вернуться домой,
Когда мы одни;
БГ*

Я вошел в метро на Чернышевской. И надо ж было встетить Галю, на самом выходе, там, где те, кто ныряют, встречают тех, кто выныривает. Мне показалось странным ее выражение лица, и я перемахнул через небольшой турникет, чтобы просто поболтать.

Снимая плеер, она вдруг сказала:

– Слушай, это все странно, очень-очень странно.

– Что именно? – спросил я.

– Каждый день я езжу от Чернышевской до Пушкинской, я спускаюсь в метро после Универа в 14–45 и выхожу в 14–59, подхожу через минуту к продуктовому, где в этот момент открывают двери после обеденного перерыва.

– А что же тут странного? – удивился я.

– Дорога от входа до выхода занимает десять минут, плюс по две минуты на эскалаторы, плюс минута туда-сюда, итого пятнадцать минут.

– Так, и что? – спросил я.

– А то, что сегодня я доехала за девять минут, – многозначительно сказала она.

– Так у тебя просто часы спешат, дай-ка их сюда, – сказал я.

– Нет, часы тут ни при чем, – сказала Галя.

– Так не бывает, – сказал я.

– Бывает! – не унималась она.

– Может сегодня поезд быстрее ехал? – предположил я.

– Нет, тут дело в другом – сказала она.

– В чем же? – опять спросил я.

– Сегодня я взяла плеер – ответила она.

– И что с того? А, понял, ты просто бежала по эскалатору, вот тебе и ответ, – нашелся я.

– Нет, я стояла, как обычно, я все делаю одинаково, каждый день.

– Может поезд пустили какой-то скоростной? – продолжал я искать решение.

– Нет, поезд тут ни при чем.

– А что тогда?

– Вот – сказала она, показывая мне наушники.

– Наушники? – удивился я.

– Не совсем, то – что в наушниках – ответила она.

– А что у тебя в наушниках? Сверхсовременный ускоритель? – удивился я.

– Ты «Свободу» слышал?

– Радио что ли? – ответил я вопросом на вопрос.

– Не тупи, «свобода это деревянный шест, ломающийся в руках на высоте семь метров и еще чуть-чуть»

– Конечно слышал – это ж раннее – кивнул я.

– Так вот, сегодня я включила «Свободу», сходя на платформу на «Чернышевской», и закончила ее слушать на «Пушкинской». Потом я зашла на эскалатор, поднялась вверх, и подошла к стеклянной двери продуктового магазина.

– Так, и что? – опять спросил я.

– А то, что дверь была закрыта. И открыли ее только через пять минут, когда наступило 15–00. Я подошла к двери, она была закрыта. Тогда я посмотрела на часы, и вот тогда я действительно удивилась, потому что на них было 14–55. И через 5 минут продуктовый открыли.

– Я, кажется, понял – сказал я, – вас препод просто раньше отпустил.

– Нет, у нас звонок, и он прозвенел как обычно! – отрезала Галя.

– Слушай, а почему я встретил тебя на Чернышевской? – спросил я.

– Потому что я провожу эксперимент, – ответила Галя.

– Какой? – удивился я.

– Езжу туда-сюда, от Пушкинской до Чернышевской, в плеере и без плеера.

– И что? – спросил снова я.

– Со «Свободой» доезжаю за 10 минут, без «Свободы» за 15.

– Да ладно, – не поверил я.

– Правда, хочешь проверим? – ответила Галя.

– Давай, погнали, – решил я.

– Мы встали на эскалатор, Галя подготовила плеер и когда мы вошли на платформу нажала Play.

На «Свободе» меня с тех пор всегда вышибает сразу. Гитара простая, запись плохая, но что-то в ней есть, что-то, берущее... не за душу нет, за душу – это слишком мелко. Свобода берет тебя сразу за шкирку и вдруг ты взлетаешь как на аттракционе в Диво-острове под небеса, и невесомость вдруг со всей невероятной очевидностью показывает тебе, что ты жил от нее до нее, а то, что было между, почти не имеет значения, а если и имеет, то это то, строил ли ты из этого «между» трамплин туда, куда давно собирался и не мог вернуться, или бил баклуши, притворяясь, что эта очами видимая невероятность, в которую ты когда-то вообще не верил и есть «данная тебе в ощущениях»...

Свобода– это когда грызешь веревку зубами.

Свобода– соль простыней обмотанных вокруг тела

Новой победы измученной кашей признаний.

Свобода– шум лифта ночью, на кухне свет

Не от свечи. Зачем? просто для чтения книг

Свобода это когда ты ничей, ни в чем, нигде,

Ни за чем, никуда, ни во что, никогда.

Свобода– это деревянный шест,

Ломающийся в руках на высоте семь метров

И еще чуть-чуть.

Свобода– это пот на лбу это пот на висках,

Это забытое слово «забудь», это улыбка, да.

Это изумрудная чистота,

И вопрос– почему буквы вдоль белого листа черны?

И какое кому дело, что ты

Побывав в руках моих

Заставила захотеть забыть.

Я схожу с ума

Из какого ты теста свобода,

Я короную тебя, любимая,

Я короную тебя, любимая,

Я короную тебя, любимая.

Свобода, спасибо тебе, родная.
Ты колешь мне пальцы
Избалованное дитя,
Ты жалишь изгиб плеча
И не шутя ты шепчешь слова, звенящие в воздухе будней,
Ставшим вечным week-end'ом
Между тобой и мной,
Между тобой и мной,
Между тобой и мной.

Когда прозвучало последнее «между тобой и мной...», я услышал как металлический голос объявляет «Станция Пушкинская». Открыв глаза, увидел открывающиеся двери и торжествующее Галино лицо.

– Ну что, убедился? – спросила она

– Кажется, это пипец, – ответил я.

– А можно еще послушать? – попросил я.

– погоди, пока ты все не забыл, согласись, что все так и было, как я сказала. Мы же проехали три станции, а песня длится чуть более пяти минут. – сказала Галя.

– Да, точно так и есть, все верно, – подтвердил я.

– И что теперь делать? – спросила Галя.

– Не знаю, – пожал я плечами.

Мы помолчали.

– Я знаешь про что подумал? – решил спросить я.

– Про что? – переспросила Галя.

– Вот представь, что ты в гостях, – начал я.

– Так, – кивнула Галя.

– И тебе дают горячее, картошку, предположим с курицей, – продолжил я.

– А при чем тут картошка?

– Да погоди ты, слушай дальше.

– Ну, слушаю, принесли картошку с курицей. – сказала Галя.

– Так вот, ты ешь картошку с курицей, но сама ждешь торт.

– Ха, было такое.

– Во, про то я тебе и намекаю. Ты ешь картошку с курицей, и время длится очень долго, оно почти остановилось, – продолжал я.

– Точно. – кивнула Галя.

– Потому что ты думаешь про торт, – продолжил я.

– Так, а дальше? – внимательно слушала она.

– Дальше приносят торт. Но штука в том, что ты его съедаешь за минуту, а то, за чем ты охотился, мгновенно ускользает из твоих рук.

– А при чем тут торт и Свобода? Что-то я не поняла. – спросила недоверчиво Галя. – я тебе про высокие материи, а ты мне про какой-то там торт.

– А при том, что у них есть кое-что похожее.

– Что же это? – спросила Галя заинтересованно.

– Наслаждение. – ответил я неожиданно для самого себя.

– Что-что?

– На-сла-жде-ни-е! – повторил я по слогам с победным видом.

– Ну допустим, немного похоже, хотя это и разного поля ягоды – сказала Галя.

– Наслаждение, во-первых, никогда не бывает долгим, оно мимолетно, а во-вторых, после него ты всегда возвращаешься к той двери, через которую зашел, а то, что было там, за дверью, кажется тебе эфемерным и почти несуществующим. И вообще, оно от слова «Сладкое», так что связь есть, еще какая!

– Послушай, я вот чего думаю – сказала Галя.

– Что? – спросил я.

– Если у нас такое Наслаждение, здесь, прямо в метро, среди этих сотен людей, то что же там происходит у тех, кто все это придумывает?

Я напрягся, попытавшись понять, но мозг не дал ответа.

– Наверное это и есть космос, – сказал я.

– Кажется, я поняла – сказала вдруг Галя.

– Что?

– Помнишь Эйнштейна и его теорию относительности? – спросила она.

– Ну да, – ответил я.

– Недаром он написал, что все относительно, – уверенно сказала Галя.

– Ну он не совсем так написал, там еще есть скорость света и все от нее зависит, и чем быстрее летит тело, тем больше скорость, потому что масса тела становится меньше.

– А я тебе про то и говорю, мы едем в метро, слушаем Свободу, и в голове у нас свет. И проблемы будто отступают. А значит, мы становимся легче. Ведь проблемы создают тяжесть.

– Точно, так все и есть, – подтвердил я.

– Может нам за это Нобелевку дадут? – спросила Галя.

– А что, может и дадут!? – ответил я, и мы рассмеялись, глядя на окружающих бегущих по своим делам прохожих.

С тех пор, если опаздываю, я всегда включаю «Свободу», ведь теперь я знаю, что опоздать невозможно.

Встреча

Поэты не предают свою Музу

Мы шли по Невскому, предаваясь воспоминаниям о школе, когда чья-то тяжелая рука легла на плечо Егора.

– Здорово, чувачок.

– Ни хрена себе. Дрозд, ты что ли? Откуда?

– Так я здесь живу.

Над нами возвышался гигант в кожаных штанах с развивающимися темными волосами и с гитарой за плечами.

– Слушай, а чем тогда закончилась вся эта история? Ты же ушел из института? Мы тебя месяц искали. Так и не понял никто, куда ты пропал? – спросил Егор.

– Первые полгода был ад. Я летел в пропасть, и чем быстрее я падал, тем дальше от меня отдалялось дно. Но я знал, я знал, что ни хрена больше не хочу. Ни сопромат, ни «вышка» меня не прельщали. Я кроме музыки ничем не мог заниматься. Понимаешь, просто не мог. На все наплевать было.

Я вставал в девять утра и ложился в одиннадцать вечера. Не бухал, не водил девиц и ни в чем предосудительном замечен не был. Все это время я играл на гитаре. Понимаешь, ни хрена больше не делал, просто играл на гитаре.

На такую мелочь, как повестки из военкомата не было желания и времени хоть как-то отреагировать. Все стуки в дверь игнорировал. Да и все равно в наушниках ничего не слышно.

– Я «не бренчал», мешая соседям спать. Аккуратненько, сидя в наушниках, с электрогитарой в руках, разучивал нотную грамоту с утра до вечера. В парикмахерскую не ходил. Через месяц лишили стипендии. Еще через 3 месяца родители перестали присылать матпомощь. В 91-ом сытых в моем окружении в принципе не было, не говоря уж об общаге Политеха.

Затянувшись, он продолжил:

– Из общаги я почти не выходил. Когда почувствовал, что могу хоть что-то изобразить на гитаре, стал выбираться в люди. Через полгода познакомился с басистом неплохим. Он подтянул ударника, одноклассника своего. Точку нашли, стали репетировать. У ударника была сестра, она в хоре пела. Стали на фесты звать. Там с Сохатой познакомился, а она уже как-то в нужный момент в хорошую команду пригласила.

– Я в Питере сейчас базируюсь, ищу квартиру или комнату. У тебя никто не сдает? – спросил верзила.

– Знакомые двушку сдают, – ответил Егор.

– Двушка дорого. Нужен тогда кто-то еще, – сказал Дрозд.

Инстинкт не подвел – я понял, что это свой.

– Давай я впишусь ненадолго, – предложил я. – Егор завтра улетает, а я еще должен тут по делам остаться.

– Заметано.

Дрозд

– Слушай, а кто этот чувак здоровенный в кожаных штанах? Я малость припух, когда увидал его? – спросил я Егора после.

– Это же Дрозд. Крутой мэн. Он с нами в Политех поступил. Все шло путем, пока он вдруг не пропал, – начал Егор.

– Куда пропал? – спросил я.

– Вот так просто не пришел в один прекрасный день на лабораторную по физике, и все тут. Прошла неделя, потом еще одна, а Дрозд все не появлялся.

– И что, никто этого не заметил в деканате? – удивился я

– Ну, мы-то с Санычем заметили. После занятий мы отправились в Политеховскую общагу на «Лесной».

– Где тут у Вас Дрозд, длинный такой? – говорю я.

– Да на третьем этаже он, в 305-ой, пьет видать, неделю уже из комнаты не выходит, – махнула рукой пожилая вахтерша.

Подходим мы с Санычем к 305-ой комнате, я почтительно постучал в дверь согнутым средним пальцем. Ответа не было. Тогда мы постучали сильнее, теперь уже кулаками. Тишина... Мы начали бешено колотить в дверь каблуками, развернувшись к ней спиной.

– погоди, я лимонада куплю, горло пересохло, – сказал Егор, отойдя к ларьку.

– Давай.

– Ну вот, – отпив из горла, продолжил Егорий. Минут через десять из-за двери наконец раздался недовольный голос Дрозда:

– Кто там?

– Да мы это, Егор и я.

– Идите к черту, я занят, – недовольный голос указал нам ориентир для дальнейшего движения.

Но Саныч, как ты знаешь, парень настырный:

– Открывай, а то дверь вышибем.

– Я вас щас убью с ноги. Я бросил Политех, все, точка!

Рисковать мы не стали, тогда его габариты превышали наши с Санычем вместе взятые и давали основание полагать, что любое физическое столкновение закончится для нас фиаско...

Однако, много воды утекло, – добавил задумавшись Егор и отпил еще лимонада.

Рубеж

Но это просто рубеж, и я к нему готов,

Я отрекаюсь от своих прошлых слов.

Я забываю обо всем, я гашу свет.

Д.А.

Через неделю мы жили на «Достоевской», рядом с метро, занимая по комнате на втором этаже старинного дома с эркерами по Большой Московской.

Через две недели у Дрозда был концерт.

Возле клуба кучковались группки молодежи. Уже на подступах я уловил ту самую атмосферу, которую позже десятки раз ощущал перед концертами Гавроша... В какой бы точке мира они ни были.

У каждой группы предконцертная атмосфера своя. Со своим запахом, аурой и фоном. На «Алисе» небезопасно. Там уже на подступах воздух был колючим. «Аквариум» давал что-то мягкое, заманчивое и скорее восточное. На «Кино» как ни странно чувствовалась эдакая помесь вина и парфюма. (Но, то, возможно, было влияние Густава). Запах кедрового леса, опережающий выход «Калинового моста» на сцену витал еще за квартал.

Страшнее «Алисы» была лишь «Гражданская оборона». Этот поезд несся на космической скорости прямо в пропасть, несся безостановочно, неудержимо и фатально. И пассажиры-зрители этого поезда, судя по всему, неслись в бездну вместе с ним в своих черных футболках и кожанках с «Балтикой» наперевес.

Достаточно «зацепить» атмосферу и любой концерт уже с тобой, будто все случилось только вчера.

Только фестивали портили колорит. Фестивали несут все усредняющий запах пива. Ибо на фестивалях всё один винегрет, требующий скорее всеобщего угарного веселья, нежели позволяющий разглядеть в общей обойме каждый бриллиант по отдельности.

Фест привлекает обилием имен, и ты несешься, ожидая синергии и многократного усиления частей, ожидая, что сложившись, они дадут нечто потрясающее, превышающее по воздействию каждого участника.

Но фест лишь лоскутное одеяло, и куски в нем не похожи друг на друга. Дело в атмосфере. Как парфюмерный магазин, где аромат «Шанель номер 5» перепутан с «Пуазоном» и «Ля Фе Дассе», что вызывает лишь тошноту, но никак не дарит тебе прекрасный букет, достойный вдохновенного восхищения. Каждая мало-мальски интересная группа – это Вселенная. Ей нужно прокачать зал, настроить его «под себя», зарядить и вымотать, отпустив через пару часов восвояси. А затолкав всех в одну коммуналку, получишь только набор, берущий за душу в момент произношения с придыханием имен-брендов...

– Я с черного хода пойду, у меня выход с девчонками на сцену через 5 минут. Вот тебе браслет для входа, после концерта увидимся, – сказал Дрозд, цепляя мне на запястье какую-то синюю резинку.

Мне надо было позвонить домой, я дошел до ближайшего телефона-автомата на Невском, купив попутно карту в киоске Союзпечати. Вернулся я минут через пятнадцать.

Спустившись по ступенькам вниз, я зажмурился от навалившейся темноты и сразу получил удар под дых. Сразу. Потом жесткая и сильная рука схватила за шиворот и потащила за собой в сторону сцены. Я попытался зацепиться сначала за перила у лестницы, потом за официанта, потом упал и схватил ножку ближайшего кресла. Но все было тщетно. Силы были слишком неравны, и на мгновение я вырубился. В конце концов, пятеро на одного безоружного – это нечестно.

То были «Пароходы», самое начало, когда барабаны бьют, подобно бревну-тарану, штурмующему ворота замка. Когда все решено и пути назад нет. И тот, кто с бревном, знает, что он либо войдет внутрь, либо сдохнет прямо сейчас, ибо нет большего позора, чем бросив все, вернуться назад. Ладно, барабаны, но была еще и скрипка. Разное приходилось слышать – вот Дядя Федор давал жару на своем баяне. Даже пианино на «Аукционе». Или Терминвокс, на котором никто так и не научился играть. В дело шли разные инструменты. Те, что были под рукой, те и шли...

Но никто не рискнул со скрипкой начать – там, когда еще нет ничего, лишь пустота и предчувствие нарождающейся песни. Ты и понять-то еще ничего не успел, а она уже по-тихому начинает свой разбег, а потом пилит и пилит, пилит и пилит... А потом тебе наносят удар под дых барабаны. Никто не устоит, даже самый толстокожий или хитрый. Ибо Гаврош еще хитрее. У Гавроша всегда все рассчитано и просчитано до мелочей... Теперь я чуть-чуть понимаю, как она готовит эти ловушки. А тогда я сдался сразу и бесповоротно.

Очнулся я у самой сцены, в окружении беснующейся молодежи. Клуб был маленький. Его девизом могло бы стать «в тесноте да не в обиде».

Дальше пошло то, что впоследствии стало известно как «Рубеж», «Кошка», «Волчата», «День Рождения» и много того, чего я не запомнил. Помню лишь, что на этом микроскопическом пятачке уместились пятеро, Света слева, а Дрозд был крайний справа, и что они там вытворяли – так это нескончаемый драйв и рок-н-ролл, который никогда не умрет. Слов, как и положено, я не разобрал, но там было главное – ощущение жизни и невесомости.

Два часа пролетели как мгновение. Если в том подвале, вмещающем от силы человек сто, легко спрессовалось двести, то и время там спрессовалось соответственно. Весь в поту и выжатым как лимон я устало поднялся по ступенькам и присел на ближайшем подоконнике.

Через пятнадцать минут появился Дрозд.

– Ну как? – спросил он.

– Охрененно, – только и смог промямлить я устало.

– Вот так я и живу, – скоро в Москву поедем, потом в тур по стране.

Знакомство

*Она отравляет ритмами изнутри.
Сутулится, сунит брови, когда грустит.
Но если ты вдруг полюбишь её – умри.
Она тебе точно этого не простит.
Вера Полозкова*

Гостя чувствовала себя как дома.

С короткой стрижкой, в военной рубашке цвета хаки, я узнал девчонку со сцены из клуба «Молоко». На ней были джинсы, подвернутые снизу. В руках та же самая гитара.

Она и тогда смотрела пылливо, но как будто немного смущенно.

Знакомьтесь, это Гаврош, – сказал Дрозд.

Я представился.

– Чем занимаешься? – спросила она.

– Да расчетами разными, компьютерными, – ответил я.

– Интересное дело. А мы музыкой.

– Я знаю. Я в «Молоке» был.

– И как тебе?

– Мощь!

– Приходи завтра в «Зоопарк»

– С удовольствием, спасибо!

Дальше она просто взяла первый аккорд. Что такое аккорд, лишь зажатые струны и движение правой рукой...

Я был неплохо защищен – скромненький, старался держаться с достоинством. У меня были щит и кольчуга. Я мог послать хулигана или того, кто просит милостыню. Свои приемы для цыганок, милиционеров и просто дураков. То есть, я был вполне себе состоявшейся многослойной луковицей за семью печатями, приспособленной к выживанию в условиях современного мегаполиса. Но Гаврош хитрее таких смешных и неказистых приемов. Без хрипотцы, может быть, я бы еще и уклонился. Но с хрипотцой все сложнее. Она сразу и мягко отодвинула первый щит (тот который автоматически отвечает «нет» при попытке отжать жетон на метро). Ударив по струнам, она еще и поглядела в глаза. Да, в глаза. Сейчас ведь не очень-то принято смотреть в глаза. Это в метро я могу уткнуться в книгу, будто не замечая калеку, бредущего между сиденьями. А когда ты напротив, там, и она смотрит со своим извечным вопросом во взгляде. И бежать некуда, и уткнуться не во что – сидишь и смотришь, пока она будет обволакивать тебя, хоть и мягко, но довольно прочно, а самое главное, навсегда...

Время, конечно, сразу остановилось, окружающая обстановка задержалась на пару секунд, а потом, вслед за временем, испарилась, оставив чашки, да стол, парящие в воздухе и служащие лишь антуражем к песням. Помню только «Вечер в Крыму» и «Алмазного британца», от которых мурашки бегали по коже.

Так я и познакомился с Гаврошем.

SMS

*Мысли поэта – дыхание ветра,
непусти его дуновение...*

Где-то уже была похожая история.

Через день я уезжал в Германию.

Я приехал проводить группу в Москву. Поезд отходил в 23–59, и мне надо было успеть на метро до 00–00. На часах было 23–45. На перроне Московского вокзала стояли я, Гаврош, Чайка, басист Герыч, Дрозд и Митрич.

Герыч рассказывал байки.

– Знаете, почему поезд уходит в 23–59, а не в 00–00, например?

– Нет.

– Потому что командировочные раньше платили за сутки. Даже одна минута – значит ты этот день уже в командировке. И в этот день, кстати, можно не выходить на работу. Вот она где – халява.

Я обнял всех по очереди.

Гаврош вдруг взяла меня за рукав и отвела в сторону.

– Слушай, мне нужно кое-какие вопросы порешать в Питере. Джульетта в Москве и так зашивается с утра до вечера, а мы тут в Питере альбом печатаем, продукцию. И квартирой надо заняться. Помоги.

– Не понял, я же уезжаю послезавтра.

– Да знаю-знаю, ну позже уедешь.

– Когда позже?

– Может через месяц, – она пожала плечами. – Да ладно тебе. («Да ладно тебе», превращающее твои проблемы вселенского масштаба в абсолютную пыль бытия, не стоящую даже разглядывания под микроскопом).

Это у меня всегда все сложно. Надо подумать, помучиться, посоветоваться. А у Гавроша все просто.

Просто не улететь в Германию, и все...

Я знал, что рано или поздно и у меня появится свой Морфеус. Чего я не ожидал, так это того, что он настигнет меня тут, на вокзале, неожиданно и бесповоротно. Я почувствовал, что если скажу «нет», упущу что-то важное в жизни, что-то такое, чего я ждал тысячи лет. Ждал и всегда отказывался именно в этот, последний момент, хватая свою синицу, и навсегда отказываясь от журавля. Я хотел извиниться и уйти, но кто-то вдруг произнес моими губами:

– Ладно, согласен.

– Держи ключ, адрес кину смс-ом (у всех «эсэмэс-ка», а у нее непременно «эсэмэс-ом», так весомее).

Сделав шаг, я понял, что пришел конец. Что сказать родителям, на что жить. Вселенная разверзлась, и я летел в бездну.

Это был самый длинный месяц в моей жизни. Он растянулся на несколько лет...

Операция «Газификация»

*Когда закончится нефть,
Ты будешь опять со мной.
Когда закончится газ,
Ты вернёшься ко мне весной.
Ю. Шевчук*

Саныч уехал. Навсегда. А дело было так.

Саныч всю сознательную жизнь мечтал о своем доме. Сейчас любой собственный дом почему-то называется коттеджем. Саныч много работал, с утра и до вечера, а потом еще вечером подрабатывал. Он присмотрел неплохой участок в приличном месте. Участок Саныч искал с перспективой, чтобы недалеко был газ. Не топить же дровами всю жизнь. Наконец, он собрал нужную сумму для того, чтобы купить участок и начать строительство дома. Стройка – дело небыстрое и затратное. На первом этаже деньги закончились. Тогда он одолжил немного у друзей. Хватило на дом, но не хватило на отопление. Саныч одолжил еще немного у родственников. Поставили газовый котел нужной модели и сделали разводку труб по комнатам. Теперь Санычу не хватало на газификацию.

Саныч взял кредит и стал искать, кому бы доверить финальную часть.

Саныч был калачом тертым, он знал, что «могут кинуть», поэтому подготовился к переговорам хорошо. Фирмам, которые занимались газификацией, он делал такое предложение:

Вы делаете все без предоплаты, и только по договору. Но если вы мне сделаете газ в дом, я плачу вам двадцать процентов сверху.

Первые пять человек Саныча послали сразу. Но шестой неожиданно легко согласился.

В назначенное время на пороге появился приличный молодой человек в темном костюме и при галстуке, представившийся Алексеем. Он сказал Санычу, что они работают «только под ключ» и могут сделать все без предоплаты, потому что «Саныч все равно никуда от них не денется, ведь с домом не сбежишь».

Саныч понял, что он ничем не рискует и, потирая руки, заключил с Алексеем договор. Фирма Алексея не только брала на себя все работы по газификации, но еще и утрясала все «юридические аспекты с Газпромом», а также пробивала для Саныча «по своим каналам» возможность оплатить первые полгода потребления газа 50 %-ной скидкой.

А откуда скидка? – удивился Саныч.

Да у нас квота для пенсионеров по району, – заверил его Алексей – а квоту не выбирают. Вы не волнуйтесь – оплату же все равно вносите после подачи газа. Тут вы как потребитель защищены со всех сторон. И квитанция будет.

Удачно, – подумал Саныч.

В понедельник приехала бригада – с лопатами, экскаватором и кучей труб. Шум стоял страшный, работа закипела с раннего утра. Саныч объяснил соседям, что это всего на пару дней, те покивали, и Саныч уехал на работу. Вечером Саныч застал обстановку, по которой понял, что до воплощения его мечты оставались считанные часы. Рядом с домом тянулась прорытая траншея, в которой были уложены новые сверкающие пластиковые трубы – символ, соединяющий новый дом с главным национальным достоянием. Если по национальности еще были кое-какие разногласия, то достоянием Саныч точно являлся, а потому заслужил выстраданное «голубое золото» и все сопутствующие ему блага.

В конце второго дня Санычу позвонил Алексей и сказал, что они немного не успевают и им надо еще буквально часов шесть.

«Ну, вы смотрите там, не затягивайте сильно-то, орлы!» – пожурил его Саныч, еле сдерживая предвкушение и даже в душе радуясь тому, что удовольствие можно еще растянуть и посмаковать. Да и расставаться с деньгами лучше позже, чем раньше – так учила житейская мудрость.

На следующий день Саныч пораньше уехал с работы и мчался домой как на крыльях. Бригада уже уехала, и на пороге его встретил Алексей.

– Ну что ж Александр Александрович. Я поздравляю вас с ответственным моментом, – торжественно начал Алексей. Он достал из пиджака позолоченную Zippo. – Прошу вас погасить свет, – подобно опытному фокуснику Алексей подыгрывал Санычу, делая момент еще более приятным.

Саныч не верил своему счастью. Алексей казался ему ангелом, спустившимся с небес.

«Внимание!» – голос Алексея стал еще более торжественным и звонким.

Повернув ручку, Алексей щелкнул зажигалкой, и поднес ее к конфорке, от которой донеслось заветное шипение.

Раздался небольшой хлопок и конфорка превратилась в искрящийся цветок, переливающийся в темноте голубым и красным цветами.

– Есть газ, есть, – смотрел заворуженно Саныч на конфорку.

– Прошу вас подписать договор и внести оплату! – прервал медитативное состояние Саныча Алексей.

– Конечно, конечно – давайте, все давайте, – Саныч не мог оторвать взгляда от голубого цветка.

– Вот здесь, здесь... и здесь. Так, с вас триста тысяч, и еще за газ сразу за полгода со скидкой, восемнадцать.

– Все, берите – вот – сдачи не надо, молодцы, спасибо вам». – Саныч долго тряс Алексею руку.

На следующее утро Саныч закатил пир горой – ибо с долговых денег еще осталось немного – на шашлыки, пиццу и шампанское. Все поздравляли Саныча с тем, что его мечта сбылась, и он наконец живет в собственном доме.

Прошла неделя...

То утро Саныч начал с просмотра почты. С вечерними газетами пришел «вызов» на ПМЖ. Все родственники Саныча уже были в Германии, и его вызов лежал на рассмотрении в консульстве уже года три. Дела у Саныча и здесь шли неплохо, поэтому, подумав пару минут, Саныч, скомкав, отправил бумажку в корзину и отправился по многолетней привычке сварить крепкого утреннего кофе.

Повернув привычным движением ручку конфорки, позевывая Саныч нажал несколько раз на кнопку, дающую искру, но ничего не произошло. Саныч нажал еще раз, но искры не было. Саныч пошел к котлу, покрутил вентили, но эффекта не было.

Тогда Саныч заметил, что в доме прохладнее обычного. Потрогав батарею, он понял, что газа в котле нет.

Метнувшись к аппарату, Саныч стал звонить по телефону, указанному в оставленной квитанции.

– Добрый день, у меня газ не идет, – почесывая живот, сказал Саныч. Чтобы к вечеру все было. Квитанции все оплачены на полгода вперед.

– Адрес? – спросила девушка.

– Садовая, 22

Минутку, – девушка куда-то отошла. – Нет у нас подачи газа по этому адресу, – сообщила она Санычу через пару минут.

Девушка, у меня все оплачено. Я вас по-хорошему прошу. Я Миллеру позвоню и вас уволят, – начал угрожать Саныч.

– Да хоть Мюллеру звоните – по вашему адресу газа нет, – и повесила трубку.

– Вот сука, – подумал Саныч и следующие 2 часа звонил по разным инстанциям, но все ему говорили, что газификация по его адресу не проводилась.

Саныч «поехал в город», долго тряс в разных конторах какими-то бумажками и квитками, но никто не мог его понять. Телефон Алексея был отключен. Дома было холодно. Делать было нечего и Саныч стал копать. Экскаватора у него не было, а потому, дело шло медленно. Саныч позвонил друзьям. Приехали я и Егор. На дворе стояла осень, и земля поддавалась с трудом. Копали по полчаса, потом шли отдыхать. Мы откопали уже первые два метра труб, но сюрпризов не было.

Я отошел попить чаю. Со двора раздался голос Егора.

– Слышь Саныч, – позвал Егор, – а чего это? – Лопата уперлась во что-то твердое. И это была не труба. При ударе лопатой объект издавал скрежет, то есть был металлическим.

– Давай-ка навалимся – поднажми.

– А вдруг сундук там? Вдруг клад? – Саныч суетливо бегал вокруг ямы.

Егор ускорился, и постепенно из-под земли стало вырисовываться что-то синее.

– Это чего за херня, – в недоумении спросил Саныч, переводя взгляд попеременно с меня на Егора.

Повозившись еще полчаса, мы поняли, что трубы закончились, а от них идет какой-то странный шланг к чему-то твердому и синему.

Егор взмок, но заветное место у «клада» не уступал.

– Ты знаешь Саныч, сколько стоит килограмм серебра? – приговаривал он, методично выбрасывая землю из ямы?

– Ну, примерно пол-штуки баксов за кило, это если грубо, – ответил Саныч.

– Хорошо, а золото? – опять спросил Егор.

– Да около штуки за кило, не больше, – отвечал Саныч.

Егор напрягся и стал тащить что-то тяжелое.

– Ну так вот – и этот газовый баллон – обошелся тебе, считай, по штуке за кило. То есть он воистину «золотой»!

И он вытащил на поверхность из канавы синий газовый баллон.

– Вот она, Саныч – твоя газификация.

– Это чего за херня? – повторил еще раз Саныч. – Где мой газ?

– Был газ, да весь вышел, – ответил Егор.

– Суки!!! – заорал Саныч на весь поселок и побежал в дом. – Поеду я и правда, к Мюллеру, ну вас всех на х... с вашим Миллером, – приговаривал он через полчаса, аккуратно разгребая кучу мусора из помойного ведра в поисках вызова.

Продав быстро дом, Саныч через месяц уехал. Через год уехал и Егор.

Круг

У ритуала нет смысла,

Но есть цель.

А. Генис

Инициация случилась неожиданно.

Не знаю как у других. У других групп. Есть ли у них свои ритуалы. У футболистов, хоккеистов – что-то такое есть.

У Гавроша команда перед выходом всегда образует круг, положив руки на плечи друг другу.

Кажется, первый раз это было в клубе «Порт». В том самом «Порту», со стеклянным полом между первым и вторым этажом и Исаакием, возвышающимся по соседству.

Публика уже бушевала, ибо Гаврош, как обычно, слегка томила ее перед соблазнением.

Я скромно сидел в углу, уткнувшись в ноутбук.

– Ну что, готовы? – позвала Гаврош.

Парни отложили настроенные гитары и встали в круг.

Она вдруг повернулась и махнула рукой:

– А ты чего там в углу? Дуй сюда.... Ты же в Команде.

Я робко встал и вошел в круг, положив руки на плечи Гаврошу и Дрозду.

Ногу надо было поставить в центр. Так что в итоге получалась ромашка.

Помолчали секунд десять.

– Ну, двинули... – и, отодвинув занавес, они растворились на сцене,

Прошло 15 лет, а я до сих пор храню это ощущение. У кого-то дом – это место, где он родился, у кого-то избушка в деревне. Другие стремятся вернуться к Альма-матер – в школу, которая подарила путевку в жизнь.

Для меня дом – это круг, в который меня пригласили. Я до сих пор помню то чувство локтя. Помню руку Гавроша, лежащую на моей пояснице. Круг – это доверие. Доверие, в котором ты можешь положиться на кого-то, а кто-то – может положиться на тебя.

И может быть – все войны, которые мы устраиваем друг против друга – это лишь желание ощутить плечо, на которое можно опереться, подставив взамен свое. Где еще мы теснее зависим друг от друга, как не на войне? Не в компьютерной игре, не в дорожной пробке и уж точно не в очереди на распродаже, сжимая в руке заветный купон со скидкой.

Даже сейчас, я забрел в этот дом, ведь в гостях книги не пишутся...

Мастер

*И где бы ты ни был
Чтоб ты ни делал
Между Землей и Небом – Война
В. Цой*

У Гавроша сломалась гитара.

Чего-то там, то ли с грифом, то ли с декой отсоединилось и потребовало срочного вмешательства гитарных дел мастера. А ей надо было ехать на концерт в Эстонию. Гитару мне передал на вокзале Негр, и я отправился по адресу, предлагавшемуся к инструменту на клочке бумаги.

Изрядно поплутав по закоулкам вокруг Сенной площади, я нашел по указанному адресу старый четырехэтажный дом с белыми полуколоннами на фасаде.

Кто искал квартиры в старых питерских домах, тот знает, что нумерация и логика – здесь разругались в пух и прах еще в 1917-ом, когда квадратные метры перекроили на новый лад. В первом подъезде были квартира 3, 4 и 25, во втором 1, 16 и 18 и так далее. После получасового обхода я нашел лестницу с истертыми ступенями, ведущую в подвал. На двери висела табличка с нужным номером. Спустившись, я неуверенно постучал в металлическую дверь. Ответом была лишь тишина, да карканье ворон, взлетевших с потревоженных мест. Постучал громче.

Внутри что-то зашевелилось, раздался шаг, потом дверь распахнулась и в темноте я увидел средних лет мужчину с волосами до плеч. На груди у него красовался серый передник

– Вам кого? – спросил он скорее безразлично, нежели тепло.

– Да меня тут попросили, вот, вас должны были предупредить, – я протянул ему гитару в чехле.

– А, знаю, Чайка звонила, – кивнул он. – Проходите, сейчас посмотрим. Может быть сразу и решу.

Я прошел внутрь и окинул взглядом большую комнату.

Самые подходящие слова для этих мест – «Гитарное царство». Везде были гитары и какие-то деревяшки, колки, грифы, струны и звукосниматели – на стенах, на потолке и на полу. Гитары акустические и гитары электрические, гитары семиструнные и гитары шестиструнные, какие-то балалайки, банджо и даже один контрабас.

Помимо хозяина в комнате сидел еще один человек плотного телосложения, в зеленой рубахе и камуфляжной куртке.

– Кофе хотите? – предложил подобревший хозяин.

– Да не, я уже пил недавно, – ответил я

– Ладно, сейчас поглядим», – произнес Мастер, распаковывая заботливо чехол.

– Так, ну здесь делов-то на час. Подождете?

– Конечно, лучше сразу сделать.

Мастер достал какие-то щипцы и стал ковыряться в инструменте. Я расположился поудобнее в старом потертом кресле и настроился на томительное ожидание.

– Вы в армии служили? – ни с того ни с сего вдруг спросил меня гость в камуфляжке.

– Да не, на сборах только, пару недель, а что? – слегка смутился я.

– Федя у нас спец по оружию, мы с ним в технаре вместе учились. Только потом дорожки разошлись. Держит тут магазинчик с пневматикой по соседству.

– Ясно, – я понимающе кивнул.

– Разошли-и-и-сь... – передразнил Федя. – Моя дорожка была всегда прямой, как ствол калаша, – сказал он с некоей гордостью, в которой ощущался даже определенный вызов тем, кто рискнет не согласиться.

– Вот Вы, например, как относитесь к калашу? – обратился ко мне Федя.

В словах его, я почувствовал определенное придыхание, сопровождающее обычно повышенный пиетет перед объектом обожания.

– Да вроде надежная машина, – сказал я осторожно.

– Надежная, верно, – ободряюще кивнул Федя. – Еще какая надежная, – он сжал кулак и погрозил кому-то невидимому.

– А магия, чувствовали магию?

– Какую магию? – непонимающе удивился я, а сам подумал: «Вот ведь занесло, попал похоже к ролевикам-толкиенистам».

Федя приободрился. Он стал расхаживать по комнате: «В калаше есть магия. Стоит взять его в руки, и ты чувствуешь, как сила начинает прибывать и пульсировать в тебе. Будто она тысячи лет таилась в этих металлических частях и ждала назначенного часа. Подобно джину, ищущему своего хозяина в лампе Аладдина, она начинает наполнять тебя. А вслед за силой всегда приходят мысли. Мысли о том, что ты можешь достичь большего и взять многое. Ты ведь не так прост, и те парни в боевиках, они, возможно, не такие уж герои, а встретятся они тебе на пути, когда ты с калашом, еще посмотрим, кто кого».

Он расправил плечи, будто и впрямь собираясь нанести удар невидимому врагу, отомстить за лишь ему ведомые обиды: «Знаете, это чувство? Ты гладишь калаш, и это приятно. Ты знаешь, что он безупречен, что он никогда не предаст тебя и никогда не подведет. Его тяжесть не напрягает, а скорее придает весомости. Его твердость дарит твоей позиции в этом мире недостающей жесткости, которая заставит недоброжелателей при встрече отойти и не приближаться на расстояние ближе положенного. Его холод не леденит душу, а скорее отрезвляет, не давая повода сентиментальности заставить тебя дать осечку».

Тут в другом углу кашлянул Мастер и добавил с легкой ехидцей: «Ну и главное – к калашу должен прилагаться враг. Иначе не бывает. Как в театре – висящее на стене ружье должно выстрелить, так и в жизни: есть калаш – значит найдется и враг. И тогда те, кто убеждали тебя выбрать богом калаш с самодовольной ухмылкой скажут: «Ну вот, видите, мы же предупредили. А вы говорили про какие-то там гитары...»

– Да ты знаешь, где б мы сейчас все были, кабы не было у нас калаша? – вдруг разозлился Федор

– Где? – спросил Мастер.

– Далеко, вот где. И все бы об нас ноги вытирали, – не унимался Федор.

– Кто это – все? – Мастер подтрунивал, незаметно подмигнув мне.

– Как кто? Враги.

– Какие еще враги? – продолжал иронизировать Мастер, но видно переборщил.

Федя неожиданно подскочил к нему, опрокинув стоявшее между ними кресло.

– Ты что, сука, меня изводишь. Я тебя гада, сейчас... я тебя... – он схватил Мастера за грудки и начал трясти.

Федя явно был подшофе.

– Стойте, гитара же, погодите! – я подскочил и выхватил вовремя инструмент.

– У меня дед воевал. Понимаешь? – не унимался Федор.

– Да уймись ты, Федька, я все понимаю, я тебе объясню сейчас.

– Не надо мне ничего объяснять. – Федор тряс Мастера за свитер, он весь побелел и казалось, что глаза выпрыгнут у него из орбит. – Дед воевал, с ППШ всю войну прошел, а ты... ты... Ты «Белорусский вокзал» смотрел?

– Вот ведь попал, – подумал я в ужасе, – надо сваливать.

С этими словами он вдруг подскочил к стене, размахивая длинными ручищами и схватил стоящую рядом балалайку, весьма внушительного размера. Такие балалаищи на концертах обычно стоят углом на полу, а тот, кто на ней играет, лишь поддерживает гриф левой рукой.

Схватив это устрашающее оружие, он поднял его над головой, попутно зацепив люстру и пошел на Мастера.

– Ты что делаешь, гад? – заорал Мастер. Ты хоть знаешь, сколько это стоит? Это же бас-балалайка, ее Краснощекин делал.

– Да плевал я на твоего Краснощекина. И на Синещекина тоже. Ты на Калашникова моего плюешь, а я на твоего Краснощекина.

Федор размахнулся и вдарил со всей силы инструментом, но Мастер успел отскочить, и здоровенная балалайка, натолкнувшись на спинку стула, разлетелась на куски.

Мастер такой обиды стерпеть не мог. Подняв табурет, он прикрылся им словно щитом, удерживая левой рукой. В правой у него был какой-то деревянный молоток.

Федор, не найдя подходящего оружия, сделал пару прыжков в соседнюю комнату и захлопнул за собой дверь.

– Да они оба пьяные, – успел подумать я.

Мастер подскочил к здоровенному бревну, служившему то ли табуретом, то ли верстаком, с упругим кряхтеньем, переходящим в крик, поднял его над головой, и, раскачиваясь, пошел на дверь. Новоиспеченный таран ударил ровно в центр. Мастер вложил в удар всю свою чудовищную силу, полностью сокрушив дверь. Расколовшись, она с треском слетела с петель. Как выяснилось, Федор успел придвинуть к кровати стоявший рядом шкаф, но его постигла та же участь – он отлетел от двери, развалившись в воздухе.

Выбравшись из-под придавившей его части шкафа, Федор схватил небольшое банджо, размахнулся и запустил его в дверной проем.

Я едва успел увернуться, и банджо в щелки разлетелось, ударившись о стену. Со стены посыпались какие-то скрипки-виолончели.

Мастер осторожно выглянул из-за угла. Это было ошибкой, потому что в лицо ему уже летели какие-то гусли, чья участь теперь была предрешена. Содрав напрочь шмат кожи с правой щеки, гусли пролетели и с треском разлетелись о ту же стену.

От других объектов, брошенных Федором, я предпочел уклониться заранее. Я успел залезть под стол, и в следующие мгновения пару струнных инструментов ударили в стену и превратились в кусочки дерева.

– Ну, смотрел я «Белорусский вокзал», смотрел, и что с того? – продолжил вдруг дискуссию Мастер, постепенно наступая.

– Так вот, я когда смотрю «Белорусский вокзал», всегда деда вспоминаю, и плачу – а такие как ты, враги... хотят сказать... – начал отвечать Федор из-за двери.

В этот момент Мастер ворвался в комнату. Он был вооружен длинным смычком, поднятым над головой, словно кавалерист-буденовец из старого фильма, несущийся вперед, чтобы восстановить справедливость в тот самый момент, когда зло почти победило.

Федор, судя по всему, был опытным бойцом. Он поднял дверцу шкафа и использовал ее, словно щит. Украшенная резьбой дверца надежно защищала его от разящего смычка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.